

ПИСЬМА ВЪ ПРОВИНЦІЮ.

Хроника общественной жизни.

Петербургъ. 1-е января 1870.

У меня былъ сосѣдъ по деревнѣ, вы его навѣрное знали; въ припадкѣ хандры, онъ хотѣлъ застрѣлиться. Но когда человѣка преслѣдуютъ неудачи, такъ преслѣдуютъ до конца: ему и тутъ не удалось; пуля, вмѣсто сердца, ударилась въ ребро, скользнула по немъ и вышла съ боку. Рана была, однакожь, опасна. Призвали доктора. Это былъ нѣмецъ задумчивый и молчаливый; онъ смотрѣлъ всегда внизъ и имѣлъ такой видъ и цвѣтъ лица, какъ бы былъ скороненъ и потомъ вынутъ, пролежавши дня два или три въ землѣ, что не мѣшало ему серьезно заниматься наукой и во время-оно осторожно принимать благодарность въ рекрутскомъ присутствіи нашего маленькаго городка.

«Докторъ!» сказалъ больной, когда тотъ осматривалъ рану, — «да какъ же я не попалъ въ сердце? Гдѣ же оно у меня?»

— Ну, объ этомъ надо было спросить прежде выстрѣла! отвѣчалъ вынутый изъ земли докторъ, а теперь слѣдуетъ лечиться.

Да! и мнѣ надо было подумать прежде, нежели давать слово землякамъ, оставшимся въ глуши, не забыть ихъ, — а теперь слѣдуетъ писать, и писать обо всемъ, и о томъ, что дѣлается, хотя бы лучше, еслибы это не дѣлалось, а больше о томъ, чего не дѣлаютъ, и что пожалуй сдѣлалось бы и само собой, еслибъ не то, да не другое. Впрочемъ, положимъ, я не возвышусь до уровня любознательности своихъ читателей, но меня при этомъ можетъ утѣшать и поддерживать одна мысль. Въ Петербургѣ пишутъ особыми химическими чернилами, которыя весьма ярки сначала, когда ложатся на бумагѣ, а потомъ они блѣднѣютъ въ печати, въ корректурѣ же мѣстами совсѣмъ исчезаютъ. Другое дѣло, еслибы наши письма посылались въ какую-нибудь «Zeitung», или, еще лучше, «Times», тогда они возвратились бы сюда на нѣмецкомъ или англійскомъ языкѣ и невозбранно въ собственномъ видѣ доходили до читателя. Но надняхъ происходила переписка всѣхъ жителей Петербурга, и въ рубрикѣ «Родной языкъ» я объявилъ: *русскій*, а потому, какъ бы то ни было, буду писать землякамъ по-русски, да при томъ отдай я переводить мои письма въ какой-нибудь нѣмецкій «Zeitung» «Голосъ» не оставитъ меня въ покоѣ и переведетъ на русскій, и я противъ воли могу сдѣлаться сотрудникомъ «Голоса». Итакъ, пусть мои блѣдныя чернила еще поблѣднѣютъ: пожалуй, тѣмъ вѣрнѣе письма

будутъ отражать современный Петербургъ.... Что же такое этотъ современный Петербургъ?

Было время, когда Петербургъ, въ понятіяхъ русскихъ людей, считался однимъ изъ красивѣйшихъ городовъ на свѣтѣ. Какой-нибудь Усть-сысольскій казначей, отъ-роду не выѣзжавшій изъ своего города и мечтавшій объ одномъ — чтобы ему до конца дней сохранить свое казначейское мѣсто, любилъ поговорить объ англичанинѣ, который пріѣзжалъ нарочно за тѣмъ только, чтобы взглянуть на рѣшетку Лѣтняго сада, подозрѣвалъ какое-то необыкновенное созданіе искусства въ шпицѣ Петропавловской церкви и твердо вѣровалъ, что лучше Невскаго проспекта нѣтъ улицы въ мірѣ. Потомъ Петербургъ приобрѣлъ репутацію города стройности и порядка: явились цѣлыя улицы подъ однимъ фасадъ и цвѣтъ, разрослись казармы и департаменты, штандартъ скакалъ въ полной формѣ, и на улицѣ блюстителями благочинія явились гвардейскіе унтеръ-офицеры. Затѣмъ, какъ извѣстно, произошло нѣкоторое маленькое столпотвореніе и смѣшеніе языковъ, вспыхнула спльнѣ чѣмъ когда-либо старая прѣя между Москвою и Петербургомъ,—но туманъ тяжелый разсѣялся—

И всталъ Петрополь,

нашъ теперешній Петрополь, чѣмъ-то въ родѣ того жениха, о которомъ мечтала Гоголевская Агаея Тихоновна: «Еслибы губы Никанора Ивановича да приставить къ носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, кака у Балтазара Балтазар.....» Нѣтъ, виноватъ: развязности Балтазара Балтазаровича у современнаго Петербурга совсѣмъ нѣтъ, и даже прежняя, его собственная развязность куда-то поубавилась.

Когда къ лицу одного человѣка приставить носъ другого и губы третьяго, то полагать надо, что онъ—хоть на время—не будетъ имѣть никакой собственной фizioноміи, — не будетъ ее имѣть по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не обнеситъ нѣсколько этой чужой носъ и приставленные губы, не выучится свободно нюхать однимъ и шевелить другими. Петербургъ переживаетъ теперь этотъ періодъ обнашивания приставныхъ частей.

Дѣйствительно. Времена счастливыхъ иллюзій на счетъ рѣшетки, шпица и Невскаго проспекта давно прошли невозвратно, и даже Александровская колонна и Исакиевскій соборъ утратили свое обаяніе; «стройный видъ» тоже нарушился; дома, построенные подъ однимъ фасадъ, окрашены необузданнымъ болѣе своеволіемъ владѣльцевъ, каждый въ свой особый цвѣтъ и нарушили гармонію. Штандартъ еще скачетъ—но появляется въ фуражкѣ; торчитъ арбузъ, по-прежнему ожидающій дурака, который заплатитъ за него десять рублей, и дураки эти являются отиудъ не въ меньшемъ числѣ, — но дураки

совсѣмъ не исключительно того сорта и класса, что прежде: дураки эти стали разнообразнѣе и многіе слывутъ за очень дѣльныхъ людей. Департаменты также обширны, и бронзовыя ручки ихъ дверей такъ же блестятъ; дотлѣваютъ въ той же тѣснотѣ и грязи старыя присутственныя мѣста, но зато на другомъ концѣ возникли новыя суды и появились щитообразныя вывѣски мировыхъ судовъ. Итакъ, Петербургъ утратилъ свою прежнюю фizioномію, и хотя новый судъ и газеты на улицѣ были уже не совсѣмъ свойственными его фizioноміи, но все же это былъ только—говоря словами Фета—

Рядъ волшебныхъ измѣненій

Милаго лица...

И вдругъ — у этого лица появилось нѣчто хуже приставного носа и губъ, въ Петербургѣ появился—*horribile dictu*—московскій запахъ!

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» среднихъ вѣковъ—между новымъ временемъ и древнею эпохою Бѣлинскаго—по какому-то поводу, было глубокомысленно сказано: «исторія доказываетъ, что человѣкъ—всегда былъ человѣкомъ». Тогда надъ этой фразой много смѣялись и находили, что такія истины изрекать не стоитъ, хотя послѣ той пори явилось ученіе Дарвина—и вопросъ о томъ, былъ ли человѣкъ всегда человѣкомъ или выродился изъ обезьяны, сталъ по меньшей мѣрѣ спорнымъ. Но что Петербургъ съ самаго своего основанія и до послѣдней эпохи, былъ всегда Петербургомъ и, какъ чичиковскій Петрушка, носилъ неизмѣнно свой собственный запахъ—этого не опровергнетъ никакой Дарвинъ.

Да, это непреложно: Петербургъ, вмѣстѣ съ органическимъ запахомъ вонючихъ канавъ, доселѣ имѣлъ свой собственный и ему одному во всей Россіи присущій нравственный запахъ. Пусть одни находили, что это зловонный запахъ гніенія, занесенный къ нему съ Запада, другіе—что это запахъ европейскаго прогресса, положимъ нѣсколько попорченнаго, но все-таки прогресса, однимъ словомъ: мнѣнія и вкусы были различны. Одни отъ этого запаха зажимали носъ и отворачивались, другіе находили, что хоть и отзывается онъ. нидѣ казармой, нидѣ департаментомъ, но все-таки это единственный запахъ, которымъ можно пока дышать; и не было никакого сомнѣнія, что Петербургъ пахнетъ единственно Петербургомъ. Вдругъ въ немъ повѣяло Москвой, и москвичи, пріѣзжающіе искать концессій или мѣстечка, и имѣющіе здѣсь обыкновенно видъ большого, добродушнаго ньюфаундленда, поджавшаго хвостъ—почувъвъ этотъ воздухъ—вдругъ почувствовали въ своемъ хвостѣ бодрость и радостно имъ помахиваютъ. Впрочемъ, нельзя не признаться, слѣдовъ московскаго вліанія здѣсь довольно много. Сперва появились московскія булочныя, потомъ между купечествомъ стала проявляться привычка заглаживать событія

не дѣлами благотворительности, какъ то было прежде, а сооруженіемъ образовъ и часовень; московское юродство отразилось въ особомъ видѣ спиритизма на постномъ маслѣ, и затѣмъ появилась, вслѣдъ за инбирнымъ квасомъ, такъ-называемая, національная политика въ нѣкоторыхъ, такъ-называемыхъ, политическихъ газетахъ.

Національная политика есть новѣйшее изобрѣтеніе, сдѣланное Москвою и стяжавшее изобрѣтателямъ вліяніе и популярность, близко подходящія даже къ той огромной популярности и вліянію, которымъ пользовался извѣстнѣйшій московскій мыслитель и оракулъ Иванъ Яковлевичъ Корейша. Почему эта политика называетъ себя національной—неизвѣстно. Полагать надобно, что политика, поддержавшая нѣкогда Турцію противъ Египта и австрійцевъ противъ венгровъ, думала руководствоваться тоже національными интересами, и считала себя національною; но каждому политику свойственно думать, что онъ-то именно и стоитъ на самомъ пути истины, и не наша задача разбирать, въ какой степени вѣрно названіе, присвоенное изобрѣтателями своей системѣ. Иностранцы, судя по себѣ, приписываютъ эту политику какой-то старо-русской партіи, хотя партій у насъ ровно никакихъ нѣтъ; но политика, изобрѣтенная въ Москвѣ, дѣйствительно отзывается очень старой Русью, именно Русью временъ царя Ивана Васильевича. Программа этой политики, какъ извѣстно, не отличается своей послѣдовательностью. Съ одной стороны, она видитъ въ Россіи какую-то грозную и плодотворную силу, противъ которой, однакоже, несмотря на ея благотворность, не только вся Европа, но и присоединенныя провинціи ведутъ всевозможнѣйшія козни и интриги, а съ другой—этихъ же русскихъ величаетъ панурговымъ стадомъ, или — говоря по-просту—олухами царя небеснаго, которыхъ лѣнливый только не обойдетъ и не надуетъ; избавиться же отъ всего этого она полагаетъ возбужденіемъ чувства любви къ себѣ по системѣ Домостроя, т.-е. приставляя къ носу кулакъ. Система эта дѣйствительно пришла по сердцу тѣмъ многимъ соотечественникамъ, которые съ одной стороны — любятъ считать себя умнѣе всевозможныхъ «нѣмцевъ», а съ другой—полагаютъ, что холеру производятъ лекаря, отравляя воду....

И вотъ это-то московское направленіе появилось и въ петербургской прессѣ! Но тутъ я долженъ оговориться.

Нашей журналистикѣ предоставлена полная свобода изливать свою желчь.... другъ на друга. И она пользуется своимъ правомъ, пользуется до того, что порой хочется повторить ей слова, которыя кто-то сказалъ своимъ собратіямъ по такому же поводу: «Господа! не деритесь на улицѣ: дураки смѣются!»

Журналъ, чрезъ посредство котораго я намѣренъ послать свое письмо землякамъ, по возможности избѣгаетъ полемики, и я, выполнѣ ему въ этомъ сочувствуя, желаю менѣе всего, чтобы мои письма именно и на-

рушили его воздержность. Но не упомянуть о такомъ характеристическомъ и небываломъ до сихъ поръ фактѣ — какъ вліяніе московской журналистики на петербургскую — я не могъ, и потому, становясь на эту тонкую почву, постараюсь избѣгнуть всякихъ адресовъ, и не назову ни улицы, ни дома, гдѣ употребленіе порошка противъ наѣсковъ было бы вовсе не бесполезно.

Торговля московскими калачами и сайками идетъ здѣсь бойко. Газеты — ихъ можно назвать московскими газетами, издающимися въ Петербургѣ, какъ онѣ любятъ называть другія таковыми же польскими или нѣмецкими — газеты, сначала одна, а потомъ и другая, усвоили себѣ взглядъ московской прессы и соперничаютъ съ нею въ извѣстнаго сорта проповѣди. Такъ, напримѣръ, недавно въ одномъ изъ самыхъ богатыхъ клубовъ, гдѣ всего менѣе занимаются политикой, два господина сказали другъ другу нѣсколько колкостей; послѣдствіями была дуэль, окончившаяся къ счастію столь же легко, какъ легки были и поводы къ ней. Но одинъ изъ соперниковъ послѣ нѣмецкую фамилію, а другой — дважды русскую. И вотъ — достаточно оказалось этого обстоятельства для одной изъ вышеупомянутыхъ газетъ, чтобы ссору приписать враждебному столкновенію двухъ національностей по остзейскому вопросу! Когда на дняхъ петербургскій водопроводъ оставилъ безъ утренняго чаю полгорода, прекративъ водоснабженіе, мы, признаюсь, ожидали, что этотъ случай припишется тоже какой-нибудь враждебной намъ польской интригѣ. Къ счастію, дѣло разъяснилось прежде, нежели — искренне или нѣтъ — но извѣстнымъ образомъ настроенная пресса успѣла сообщить свои догадки; оказалось просто, что труба, опущенная въ рѣку, не была снабжена сѣткой и строители не догадались, что въ такую открытую трубу можетъ набиться всякая дрянь: дрянь и набивалась, и ее, вмѣстѣ съ водой, за изрядную плату исправно доставляли во всѣ дома до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, ее не скопилось въ трубѣ болѣе нежели воды...

Подозрительность и какая-то недальновидность и непослѣдовательность, какъ извѣстно, есть самая характеристическая и зловредная черта невѣжества, узкаго пониманія и реакціи. Кажется не такъ давно было и не такъ вполне прошло для нашей прессы то время, когда цензура видѣла въ самой этой прессѣ тоже какую-то тайную и враждебную организованную интригу и тщательно осматривала и выворачивала каждое печатное слово. Положеніе нашей печати вовсе не такъ упрочилось, чтобы, въ томъ или иномъ видѣ, на нее не опустилась опять, всею своею тяжестью, знакомая ей рука: что тогда скажутъ эти газеты привилегированнаго національнаго направленія, такъ охотно поощряющія и поддерживающія подозрительность? И не отвѣтятъ ли имъ тогда: «tu l'as voulu, George Dandin, tu l'as bien voulu»!

Не думайте, однакожъ, чтобы московскіе взгляды здѣсь пустили

корень. Нѣтъ: ихъ появленіе временно. Бисмаркъ, увы! не посылаетъ Швейница подкупать здѣшнія газеты, которыя подражаютъ недостаткамъ, не имѣя виртуозности московскаго оригинала. Мы не сомнѣваемся, что перемѣнится вѣтеръ — и перемѣнится ихъ пѣсня; но мы упомянули объ ихъ настоящемъ обращеніи къ востоку, какъ о чертѣ современнаго настроенія Петербурга; это признакъ болѣе отрицательный, нежели положительный.

Затѣмъ обратимся къ текущимъ, болѣе или менѣе характеристичнымъ новостямъ.

Была у насъ недавно закладка памятника императрицѣ Екатеринѣ II; было торжество столѣтія Георгіевскаго ордена; были толки и засѣданія въ разныхъ обществахъ; общество распространенія грамотности—вы, можетъ, не слыхали, что есть у насъ и такое—коснулось вопроса объ открытіи народныхъ театровъ, но,... но остановимся на послѣднемъ вопросѣ.

Можетъ быть, безъ достаточнаго основанія, дѣятельность болѣе части нашихъ обществъ напоминаетъ мнѣ тотъ вѣщій и таинственный сонъ, который видѣлъ Гоголевскій городничій передъ пріѣздомъ ревизора. Извѣстно, что этого администратора смутило видѣніе двухъ крысъ, которыя — рассказывалъ онъ — «пришли, понюхали — и пошли прочь»! Не смѣю оспаривать, что дѣятельность нашихъ обществъ не имѣетъ, подобно этому сну, какого-нибудь пророческаго значенія въ будущемъ; но въ настоящемъ эта дѣятельность, по роду занятій и по ихъ послѣдствіямъ—да извинятъ меня почтенные гг. члены—невольно заставляетъ сказать: «пришли, понюхали и пошли прочь». Современные, проникнутые благонамѣренностію и жаждою гражданской дѣятельности Загорѣцкіе не могутъ даже сказать про себя: «шумимъ, братаецъ, шумимъ», — потому что они даже и не шумятъ, а ведутъ себя очень тихо. Да иначе и быть не можетъ, потому что, по самому уставу, всѣ наши общества, споспѣшествующія тому или другому развитію, имѣютъ право только говорить и просить, а вся дѣятельность и реализація лежитъ на томъ или другомъ официальном учрежденіи, которое имѣетъ свой установившійся взглядъ и свои причины не оставлять избранной дороги—и не оставляютъ ее. Такъ и теперь общество грамотности, принявъ подъ свое покровительство вопросъ, о которомъ уже охрипла толковать вся печать, — составило коммиссію. Коммиссія напишетъ записку. Записка эта, тѣмъ или инымъ путемъ, придетъ въ дирекцію театровъ, которая театровъ, говорятъ, не дозволяетъ, и все, на что можетъ надѣяться, это — вызвать отписку. По полученіи отписки, волненіе въ стаканѣ воды утихнетъ. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ, кажется, есть какое-то недоразумѣніе; дѣло въ томъ, что театральная дирекція никогда не запрещала народныхъ театровъ,

и напрасно и общество, и журналистика на нее въ этомъ случаѣ сѣтуютъ.

Да! театральная дирекція вовсе не противъ народныхъ театровъ, чему служитъ доказательствомъ нѣсколько лѣтъ назадъ открывшійся у насъ «народный театр» Берга; его такимъ почитали нѣкоторое время и на него возлагала надежды наша добродушная пресса, и онъ существовалъ бы подъ этимъ именемъ и доселѣ, еслибы нѣкоторые неосторожныя глумленія не оскорбили г-на Берга и онъ въ негодованіи не сказалъ: «Вы смѣтаетесь надъ моимъ народнымъ театромъ, такъ не будетъ же у васъ его!» и дѣйствительно лишилъ насъ народного театра, — снявъ это слово со своей вывѣски.

Итакъ, какъ видите, дирекція вовсе не противъ народного театра. Дѣло въ томъ только, что она по-своему понимаетъ воспитательную силу сцены и видитъ ее исключительно въ легкихъ танцахъ, допуская, для бѣльшаго ихъ уясненія, французскія пѣсенки извѣстнаго смысла. Твердость этого убѣжденія и послѣдовательность, съ которою его проводитъ дирекція, такъ сильны, что ни пресса, ни тѣмъ болѣе записки какого-нибудь комитета — ее не собьютъ и не разувѣрятъ. Она всѣми мѣрами способствуетъ развитію этой воспитательно-образовательной силы; кромѣ театра Берга, она разрѣшаетъ подобный же па минеральныхъ водахъ, въ пассажѣ и — конечно, если согласится на ея программу — то и въ обществѣ грамотности. Болѣе того: она содержитъ значительное воспитательно-образовательное заведеніе, содержаніе котораго — полагаемъ — стоитъ не менѣе чѣмъ вся академія наукъ — съ единственною цѣлью ежегодно освѣжать цивилизующія и развивающія силы танцевъ. Ежегодно эти силы, въ лицѣ хорошенькихъ, спеціально приготовленныхъ и развитыхъ балеринъ, выпускаются на подмостки; радостно встрѣчаютъ, иногда даже предвосхищаютъ ихъ, понимающая ея цѣли благодарная публика, предлагаетъ юнымъ учительницамъ средства къ жизни, и усыпаетъ путь ихъ цвѣтами. Иногда — если слушающая публика слишкомъ уже неистово начинаетъ зѣвать въ безталанномъ (въ прямомъ и переносномъ смыслѣ) драматическомъ театрѣ, — она и туда отряжаетъ балерину — Елену, и театръ ломится отъ зрителей. Однажды только изъ училища дирекціи вышелъ такой выродокъ, какъ Мартыновъ — но это произошло совершенно противъ ея воли и по недоразумѣнію. Изъ Мартынова, какъ извѣстно, она готовила танцора.

Какой-то пессимистъ замѣтилъ, что чѣмъ сильнѣе преобладаютъ танцъ-сцены и танцъ-классы, чѣмъ выше и развязнѣе поднимаются ноги, тѣмъ ниже опускаются головы и уровень общественнаго строя. Дѣйствительно, въ первыхъ рядахъ креселъ балета, занимаемыхъ старцами ех-и юными администраторами in-spe можно иногда замѣтить подобное соотношеніе, но не думаю, чтобы эту параллель можно было про-

вести далѣе: иначе мы должны бы вывести неутѣшительное мнѣніе о нынѣшнемъ настроеніи Петербурга. Дѣйствительно, въ прошедшемъ году была хоть остроумная и веселая Елена, сводила съ ума Патти; нынѣ—увы! ни Елена, ни даже Патти не волнуютъ насъ,—а въ балетѣ еще сыплются цвѣты, и экс-національный театръ Берга не оскудѣваетъ.

Передъ бѣднымъ—талантами и репертуаромъ—Александринскимъ театромъ воздвигается памятникъ императрицѣ Екатеринѣ. Какъ было бы грустно этой державной драматической писательницѣ смотрѣть на такое положеніе русской сцены, если, по счастью, она не будетъ обращена къ ней спиною. Памятникъ проектированъ и выполняется — какъ водится — г. Микѣшинымъ, этимъ монументныхъ дѣлъ мастеромъ и вмѣстѣ каррикатуристомъ одного сатирическаго журнала: злые языки не рѣшили, гдѣ онъ болѣе выказалъ свою неспособность, но оптимисты находятъ его каррикатуры слишкомъ величественными, а монументы — забавными: впрочемъ, мы въ этомъ дѣлѣ не судьи. При закладкѣ памятника хотѣли заложить въ фундаментъ всѣ монеты, выбитыя со временъ императрицы Екатерины, но нашли, что это будетъ стоить до 30 т. руб. и ограничились монетами нынѣшняго царствованія, что стоило, говорятъ — хотя и сомнѣваемся: нѣтъ ли тутъ ошибки — до 1½ т. р. Въ царствованіе императрицы Екатерины, какъ извѣстно, выпущены первыя ассигнаціи, и потому могла бы придти мысль положить, вмѣсто монетъ, коллекцію ассигнацій, столѣтній юбилей которыхъ былъ неблагодарно пропущенъ экспедиціею заготовленія государственныхъ бумагъ.

По случаю столѣтняго юбилея ордена св. Георгія, торжество котораго было подробно описано въ газетахъ, гг. Степановъ и Н. И. Григоровичъ составили книгу, въ которой, между прочимъ, помѣщенъ списокъ всѣхъ кавалеровъ ордена отъ самаго основанія. Большинству русскихъ, особенно гг. военныхъ, извѣстны всѣ русскіе кавалеры высшихъ степеней этого высокочтимого ордена, на который, по словамъ статута, не даютъ права «ни высокая порода, ни полученныя передъ непріятелемъ раны». Мы упомянемъ только о замѣчательнѣйшихъ иностранцахъ, его имѣющихъ. Старшимъ изъ кавалеровъ (№ 291, 4-й степ.) значится подъ 1813 годомъ прусскій король — тогда еще принцъ — получившій его 16-ти лѣтъ. Нынѣ, какъ извѣстно, онъ пожалованъ 1-ю степеню ордена и единственный изъ живыхъ кавалеровъ, имѣющій ее. Австрійскій императоръ получилъ 4-ю степень ордена въ 1841 году; подъ 1861 годомъ (4-й ст.) мы находимъ Франциска II, бывшаго короля обѣихъ Сицилій, братьевъ его — графовъ Трапанскаго, Казертскаго, дядю Трапанскаго и супругу Марію-Софію-Амалию, безспорно, храбрѣйшую изъ всѣхъ. Замѣтимъ кстати медицинскій академикъ, что если дума военнаго ордена такъ неоспоримо при-

знала въ женщинѣ качество наименѣе свойственное ея природѣ, — то способность женщины къ медицинѣ могла бы не подвергаться сомнѣнію, а признавъ способность, странно затворять отъ нея двери академіи.

Изъ иностранныхъ генераловъ мы находимъ Веллингтона, Блюхера, Шварценберга, Радецкаго, послѣдній изъ кавалеровъ 1-й степени (1849), Гейнау (4-й ст. въ 1849), Гесса (2-й ст. 1849 г.) и пр.; имени генерала Гарибальди, которому такъ много обязана дружественная намъ Италія и ея рыцарскій король — мы не нашли.

Гласный судъ, помимо его великаго значенія въ общемъ организмѣ государства, даетъ намъ фотографически вѣрное изображеніе не только современныхъ нравовъ, но и взгляда на нихъ общественной совѣсти. Въ этомъ отношеніи недавняя уголовная хроника здѣшняго окружного суда представляетъ въ высшей степени интересные матеріалы наблюдателю петербургской жизни.

Дѣло по фальшивымъ векселямъ г-жи Плещеевой и подложному завѣщанію Андреева открыло цѣлую организацію мошенничества въ самыхъ смѣлыхъ и широкихъ размѣрахъ. Подобныя компаніи для эксплуатаціи ближняго и обмана оффиціального правосудія составляютъ явленіе весьма обыкновенное въ общественной жизни; онѣ даже далеко не такъ вредны, какъ иныя дозволенныя и даже привилегированныя компаніи, которыя дѣйствуютъ въявь и еще хвастаются своимъ успѣхомъ; первыя эксплуатируютъ по крайней мѣрѣ какое-нибудь одно зажиточное лицо, а другія — часто цѣлое общество.

Два вышеупомянутыя дѣла, для того, кто не смотритъ на все съ предвзятой точки безпардоннаго моралиста, и по поводу вытащенного изъ кармана платка не имѣетъ привычки вопіять о растлѣніи нравовъ — представляютъ даже нѣкоторые утѣшительные выводы въ пользу русскаго человѣка. Они, во-первыхъ, доказываютъ, что тамъ, гдѣ отечественный недѣлимый рѣшается скинуть нѣкоторую общественную опеку и дѣйствовать не справляясь съ XV-ю томами свода законовъ и ихъ продолженіями, то онъ, въ изобрѣтательности, находчивости и энергіи выполненія, ничуть не уступаетъ своему западному собрату, и мы удивляемся, что патріоты извѣстнаго сорта не замѣтили этихъ особенностей и дозволили намъ предвосхитить ихъ. Въ самомъ дѣлѣ: предстала нѣкоторымъ изобрѣтательнымъ людямъ надобность кого-нибудь эксплуатировать — и вотъ открывалась богатая жевщина, соединяющая въ себѣ многія къ тому удобства. Предъявляются ея векселя ко взысканію; она весьма слабо отвергаетъ свою подпись; по первымъ дознаніямъ оказалось, что векселя эти яко-бы даны нѣкому французу, за то, что тотъ обѣщался достать титулъ своему соотечественнику, стоящему въ близкихъ будто-бы отношеніяхъ къ векселедательницѣ. На слѣдствіи оказывается, что французъ этотъ дѣйствительно

существовалъ и умеръ, соотечественникъ его дѣйствительно существовалъ и можетъ быть до-днесь существуетъ; адвокатъ, котораго обиженная сама избрала и который началъ уже защищать ея интересы — является настолько добросовѣстнымъ, что отказывается вести процессъ, ибо ему его кліентка созналась, что векселя не фальшивые, а дѣйствительно ея собственные векселя; онъ не нарушаетъ довѣрія — онъ этого не заявляетъ, но проговорился въ кружкѣ своихъ друзей, и только вынужденный ихъ нескромностію, сознается въ томъ слѣдователю. Не правда-ли, какъ все это ловко задумано, подобрано и выполнено? Слѣдственная часть потратила много труда прежде, нежели добралась, что умершій французъ былъ бѣднякъ-ремесленникъ, который никакой протекціи оказать не могъ, векселедательница его не знала, адвокатъ былъ ей подсунуть съ ловкостію фокусника, который вамъ втираетъ желанную карту, когда вы полагаете, что сами вытаскиваете ее, и что адвокатъ этотъ и былъ самъ авторъ дѣла и, такъ сказать, самъ себя подсунулъ!

Другое дѣло не менѣ замысловато и характеристично: подробности его тоже извѣстны. Въ Харьковской губерніи умираетъ помѣщикъ, богатый и неимѣющій близкихъ наслѣдниковъ. Имѣніе его, какъ можно было судить по словамъ старика и по общему ожиданію, долженъ былъ наслѣдовать его молодой управляющій, пользовавшійся его полною довѣренностію и расположеніемъ и близкій къ нему — какъ носились слухи — по родственнымъ, хотя не легальнымъ отношеніямъ. Но, вопреки ожиданіямъ, и можетъ быть — намѣреніямъ самого владѣльца, онъ умираетъ не оставивъ завѣщанія, и имѣніе должно перейти къ дальнимъ родственникамъ. Вдругъ за двѣ тысячи верстъ, въ Петербургѣ, находятся благодѣтельные люди, которые поправляютъ ошибку и непредусмотрительность покойника. Является завѣщаніе, подписанное, не наемными свидѣтелями, а людьми, вѣрящими въ его подлинность. Предъявляется оно душеприказчиками, повидимому, заслуживающими полного довѣрія: это князь, настоящий, чистокровный князь древняго русскаго рода и статскій генералъ, то же старинной и почтенной фамиліи; статскій генералъ нашелся впоследствии почему-то неудобнымъ и вдругъ совершенно улетучился; но князь остался и выдержалъ свою роль до конца. Завѣщаніе имѣло всѣ шансы на успѣхъ, ошибка умершаго старика была поправлена, обиженныхъ не было, и все бы кончилось, какъ въ англійскихъ семейныхъ романахъ, къ общему удовольствію, еслибы — о родъ безпокойный! — два компаніона-журналисты не поссорились между собою и одинъ не обличилъ другого. Все это опять задумано умно, ведено ловко и энергично, — хоть бы во Франціи! Но нѣтъ: это лучше французскаго, и лучше настолько, насколько — мы говоримъ это пскренно — натура русскаго сама-по-себѣ лучше натуры француза. Конечно, насъ не заподозрять

въ дифирамбѣ мошенничеству и подлогу; мы разсматриваемъ характеръ этого мошенничества, ищемъ въ немъ его типическія стороны и, поскобливъ, по совѣту Наполеона, этихъ русскихъ, открываемъ съ удовольствіемъ вовсе не варварскія, а симпатичныя намъ, родовыя черты, свидѣтельствующія о несравненно бѣльшей нашей цивилизованности, нежели можно было ожидать. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, какой милкій и добродушный колоритъ лежитъ на всѣхъ этихъ послѣднихъ мошенничествахъ, а тщательнѣе обдуманыхъ и выполненныхъ цѣлой хорошо-подобранной и снѣвшею шайкой. Во-первыхъ, тутъ нѣтъ никакого грубаго напія, а видна, напротивъ, глубокая привычка къ соблюденію формальностей даже въ мошенничествѣ. Не выбранъ былъ какой-нибудь непокорный видъ его, грубо нарушающій права собственности. Напротивъ. Смошенничали—и сейчасъ въ управу благочинія, смошенничали и сейчасъ въ гражданскую палату: нельзя-ли, дескать, хоть обманнымъ образомъ получить officialную санкцію и помощь замыслу. И что за добродушіе и павность дѣйствующихъ лицъ! Этотъ князь, наиримѣръ, который въ самомъ дѣлѣ повѣрилъ, что какой-то помѣщикъ, котораго онъ и не помнитъ, чтобы видѣлъ—дѣлаетъ его душеприкащикомъ единственно изъ почтенія къ его особѣ, и представляетъ завѣщаніе, взявъ за это всего 18 рублей! А этотъ наслѣдникъ? Онъ человѣкъ съ состояніемъ и во-все не имѣлъ помысловъ ни о какихъ подлогахъ, — но если уже нашлись такіе добрые люди, что сдѣлали его и предлагаютъ, то отчего же, думаетъ, и не взять, когда и самъ покойникъ, вѣроятно, не протестовалъ бы противъ него. Или этотъ исполнитель, который сорокъ лѣтъ жилъ честно и, по его сознанію, не понималъ, какъ можно рѣшиться на мошенничество, черезъ мѣсяць знакомства съ главнымъ организаторомъ не понималъ уже, какъ можно не мошенничать, коли есть надежда не быть открытымъ! За то чуть только правосудіе дотронулось до него пальцемъ, такъ онъ и пошелъ все рассказывать и обвинять себя въ такихъ дѣлахъ, о которыхъ прокуратура не имѣла и понятія. И самъ организаторъ, который всѣмъ вертѣлъ, все обдумывалъ, въ то же время пользуется такимъ довѣріемъ, что незнакомыя ему добродушныя старушки на слово довѣряютъ свои кровныя и немалыя деньги, и онъ эти деньги добросовѣстнѣйшимъ образомъ возвращаетъ. Не правда ли, что все это необыкновенно павно и весьма характерно, и если на зрителей и читателей процесса кто произвелъ самое непріятное впечатлѣніе, такъ это черствая, отталкивающая и бальзаковская фигура ростовщика-свидѣтеля, который забралъ въ свои руки запутавшагося журналиста, играетъ имъ какъ кошка мышию, то посадить въ тюрьму, то выпустить и, не преступая законности, высасываетъ всѣ деньги, которыя тотъ достаетъ преступленіемъ, ведущимъ его въ тюрьму и ссылку!

Новый судъ выказалъ въ этомъ дѣлѣ все неоспоримое преимущество своего строя передъ старымъ порядкомъ. Всѣ вовлеченные, обманутые участники, на которыхъ бы именно и обрушилось наказаніе при прежнемъ судопроизводствѣ, потому что ихъ руками совершался неопровержимый подлогъ — были совершенно оправданы, а истинные организаторы, которые остались бы по всей вѣроятности только въ подозрѣніи — осуждены. Замѣтимъ также вполне гуманную мягкость взысканія. Такъ, одинъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, неприкосновенный къ другимъ дѣламъ, сосланъ всего на два года въ Самарскую губернію, тогда какъ часто ссылки административнымъ порядкомъ длятся несравненно долѣе и въ болѣе суровыхъ мѣстахъ, правда безъ лишенія правъ состоянія, но и безъ тѣхъ способовъ къ оправданію, которые даетъ организація гласнаго суда.

Прежде, нежели кончу это письмо, я долженъ сказать еще нѣсколько словъ о двухъ весьма знаменательныхъ фактахъ, которые даетъ намъ послѣдняя лѣтопись петербургскаго уголовного суда. Къ нему, въ короткій промежутокъ времени, привлечены были двѣ дѣвушки, обвиняемыя въ страшномъ дѣлѣ дѣтоубійства.

Это одна изъ тѣхъ старыхъ исторій, которыя, по выраженію Гейне, всегда новы, и всегда, прибавимъ мы, заставляютъ глубоко задуматься. Двѣ дѣвушки — родили и, подъ вліяніемъ стыда, смущенія и страха, бросили новорожденныхъ туда, куда обыкновенно ихъ въ такомъ случаѣ бросаютъ. Дѣти оказались доношенными и живорожденными: дѣвушки сознались... Нечего повторять тѣ извѣстныя фразы о положеніи трудами зарабатывающихъ себѣ хлѣбъ роженицъ, о ненормальности нѣкоторыхъ установившихся отношеній и нѣкоторыхъ установившихся взглядовъ, которые всѣ вмѣстѣ приводятъ къ извѣстному преступленію, гдѣ самый фактъ рожденія свидѣтельствуетъ противъ развратности преступницы, а фактъ убійства — о чувствѣ стыда и боязни общественнаго мнѣнія. Пока общество не выработало себѣ, въ этомъ отношеніи, другого экономического и нравственнаго склада жизни, — единственнымъ лекарствомъ противъ этого общественнаго недуга признано учрежденіе дѣтопріимныхъ домовъ, — и самодержавная женщина, вполне понимавшая нужды своего пола, основала въ Петербургѣ воспитательный домъ. Зачѣмъ же, спросимъ мы теперь, стоятъ эти каменные палаты Разумовскаго, населенныя смотрителями, надзирателями и пр. и пр., если въ такой короткій промежутокъ времени двѣ дѣвушки предпочли сдѣлать преступленіе, а не обратиться къ нимъ? Чтѣжь это, недостаточность въ размѣрахъ, непопулярность, или формальности, въ немъ введенныя, заставляютъ обѣгать его? Намъ извѣстны филантропическія мѣры, принятыя громаднымъ московскимъ воспитательнымъ домомъ съ цѣлю сколь возможно затруднить доступъ къ себѣ пугающихся роженицъ. Въ Курскѣ еще лучше: тамъ земство открыло «люльку» для

приносимыхъ дѣтей и какая-то неизвѣстная рука хватаетъ приносящихъ и представляетъ ихъ въ судъ. У насъ, слава Богу, не слышно, чтобъ эти московскіе или курскіе порядки были приняты нашимъ чело-
вѣколюбивымъ учрежденіемъ: однакожъ фактъ, свидѣтельствующій о несостоятельности казенной филантропіи, остается неопровержимымъ фактомъ, и лица, получающія жалованье за свое обязательное чело-
вѣколюбіе, плохо выказываютъ его! Но случаи эти дали возможность высказаться и превосходству суда присяжныхъ, и замѣчательной чертѣ гуманности петербургскаго общества: обвиненныя, несмотря на явные улики и собственное сознаніе, были признаны невинными. Этотъ приговоръ общественной совѣсти тѣмъ утѣшительнѣе, что это не приговоръ развитой или извѣстнымъ образомъ настроенной партіи: присяжные выбираются изъ всѣхъ слоевъ общества; тутъ приговоръ людей различнаго воспитанія, положенія, образованія—это по истинѣ приговоръ петербургскаго общества, и мы съ гордостію и отрадой указываемъ на него обществамъ другихъ городовъ. Вотъ то значеніе цивилизатора-Петербурга, вотъ тотъ петербургскій запахъ, который, хотя слабъ еще, и забивается многимъ другимъ, но все-таки изъ него одного льется по Россіи и въ немъ одномъ держится болѣе, нежели во всѣхъ городахъ и весяхъ имперіи, вмѣстѣ взятыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, провинціальная лѣтопись новаго суда часто доказываетъ, что присяжные ложно понимаютъ свое значеніе; храня еще вѣрность старымъ порядкамъ, они считаютъ себя судьями и судьями по закону, а не по совѣсти, и въ рѣшеніяхъ своихъ боятся согрѣшить противъ перваго, а не руководствуются послѣдней. Человѣкъ съ голоду укралъ булку, баба учинила воровство моркови, оцѣненной въ 1½ копѣйки. Присяжные знаютъ, что воровство должно, по закону, быть наказано, и изрекаютъ «виновенъ»! Мы могли бы привести много примѣровъ этого рутиннаго и ложнаго взгляда провинціальнаго общества. Къ счастью, петербургскіе присяжные постоянно даютъ намъ свидѣтельство гораздо болѣе здраваго и гуманнаго развитія всѣхъ слоевъ, изъ которыхъ избраны они. Они поняли, что когда преступленіе вынуждено печальными условіями жизни, то дѣло общественной совѣсти заслонить отъ безстрастнаго правосудія тѣ приниженные и угнетенныя головы, отъ которыхъ чело-
вѣколюбіе съ тербовыми пуговицами прячетъ свои руки въ карманъ!

И на этой утѣшительной чертѣ петербургскихъ нравовъ мы остановимся. Да и не слѣдуетъ, говорятъ французы, опоражнивать свой мѣшокъ до дна.

М. Ав—въ.

